

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

К вопросу о праве в языке

Аннотация. В статье показан отличающийся от традиционного взгляд на парадигму общественного установления и на развитие новой эпистемологии, идущей на смену анализу (понимаемому как расщепление в греческом значении этого слова) и продвигающей синтез и холизм в интерпретации права в языке. Подчеркивается, что между общественным установлением (правом), языком и познанием существуют отношения, где роль языка требует специального изучения, особенно по отношению к мыслительным процессам. Современные научные междисциплинарные подходы приводят нас к рассмотрению данного феномена в свете парадигм когнитивизма (в связи с интеракцией и неотделимостью языка от мышления) и фрактальной семиотики (с учетом «биосоциальной» функции языка и конструирования объекта изучения с позиции, например, наблюдателя), представляющих эти два общественных установления как процессуальные, самореференциальные, самоорганизующиеся в их взаимодействии с наблюдателем.

Ключевые слова: право в языке, фрактальная семиотика, рекурсия, аутопоэзис, право на язык, лингвистическое право.

Карина Хаджиевна РЕКОШ,

профессор кафедры
французского языка
МГИМО (У) МИД России,
доктор филологических
наук, доцент

karinarekosh@mail.ru
119454, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 76

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.111.11.027-037

Karina Kh. REKOSH,

Professor of the Department of French language,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Dr. Sci. (Philology), Associate professor
karinarekosh@mail.ru
76, prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Raising the Question of Law in Language

Abstract. The article shows a different approach (compared to the traditional one) to the paradigm of a public institution and to the development of a new epistemology, which replaces analysis (understood as a decomposition in the greek meaning of the word) and promotes synthesis and holism in the interpretation of law in language. It emphasizes that there are relationships between a public institution (law), language and cognition, where the role of language requires special study, especially in relation to mental activity. Modern scientific interdisciplinary approaches lead us to consider this phenomenon in the light of the paradigms of cognitivism (In connection with the interrelation and inseparability of language from thinking) and fractal semiotics (taking into account the “biosocial” function of language and the

© Рекош К. Х., 2023

construction of an object of study from the position of an observer), representing these two public institutions as procedural, self-referential, self-organizing in their interaction with an observer

Keywords: *law in language, fractal semiotics, recursion, autopoiesis, right to language, linguistic law.*

В контексте предложенных на обсуждение тем прошедшей в апреле 2023 г. Международной научно-практической конференции «Язык права и право в языке: интегративный подход к изучению» выражение «право в языке» порождает множество вопросов, если только оно не является игрой слов для придания экспрессии.

В эту тему, помимо языка по отношению к праву и права по отношению к языку, можно включить язык и право как единый объект или каждый из них по отношению к себе, иными словами выражение «право в языке» требует уточнения, разъяснения, выработки определенной позиции или обращения к старой или новой парадигмам. В самом деле, язык права, как известно, описывается давно и подробно в многочисленных исследованиях, в отношении же «права в языке» не совсем ясно, имеется ли в виду подход на основе логических аристотелевских оппозиций и категорий или новый эпистемологический подход: бытие права в том или ином языке, эффективность языка как вербализатора права, понятность языка в смысле однозначности/многозначности терминов или их определенности/неопределенности, а также взгляд и участие в картине мира самого наблюдателя (субъекта).

Что имеется в виду под правом в языке: как язык обслуживает право, эффективен ли он, следует ли рассматривать язык и право с когнитивной, коммуникативной или традиционной точек зрения (тем более что в названии конференции заявлен интегративный подход)? В этом смысле интерес представляет статья А. В. Кравченко «Эпистемологическая ловушка языка». Почему язык ловушка? Действительно ли право оказывается в ловушке, и в каком смысле: в ловушке языка или самого себя из-за языка?

В статье А. В. Кравченко показывается ошибочность базовых положений когнитивизма о репрезентативной функции языка. Когнитивная лингвистика изучает языковые структуры и делает выводы на их основе о процессах познания, как будто между языком и мыслительными процессами существует полный изоморфизм. Признание репрезентирующей функции языка означает, что язык существует отдельно от мышления, сознания и познания, что происходит «оязыковление» мысли и что слова, таким образом, являются как бы материальными «контейнерами» мысли.

Не зная точно, что язык репрезентирует, мы не можем утверждать, что вербализация или репрезентация отражают сущность языка, особенно если посмотреть на него с эпистемологической точки зрения познания (мы видим лишь поверхностный слой). При таком подходе репрезентирующие языковые элементы (вербальные структуры, вокабулы) отделены от языковой сущности на основе методологического принципа конструирования объекта, который должен быть *conquis, construit, observé — завоеван, построен, наблюдаем* (Г. Башляр), и

предназначен для изучения онтологии знаков, сигналов, проявляющихся на поверхности (в древней Греции язык и логос долгое время воспринимались как неотделимые от человека, софисты первыми начали играть с языком как инструментом, отделив его от логоса¹).

Если ставить когнитивную цель изучения роли языка в мыслительном процессе человека, тогда объект и предмет традиционной лингвистики, по мнению А. В. Кравченко, сконструированы неправильно, ибо на основе концепции репрезентативной функции языка мир оказывается в «ловушке» языка, «мы... существуем в языке — в доме бытия человека»², в языке мы как бы в путях — в готовых шаблонах и структурах, в системе predetermined категоризации мира, в результате мир предстает таким, каким его рисуют язык и наблюдатель, и мы видим не объективную реальность, а фикцию. (Это похоже на компьютер или гадание на картах: какие параметры заложены в программе, то и получим на выходе, хотя более перспективной является задача научить машину выходить за пределы заложенных параметров.)

Отсюда разные картины мира у разных людей и в целом в разных языках. Право в определенной степени такое, каков язык (или они взаимовлияют друг на друга), отсюда, например, идет противопоставление континентального права прецедентному и французского языка английскому. Изучая разные правовые дискурсы, Д. Менгено (1996) пришел к выводу о том, что различия между языками проявляются и в индуктивном и дедуктивном способах юридического рассуждения при установлении соотношения между фактом, нормой и действительностью. Поэтому дискурс юристов континентального права характеризуется «строгостью, устойчивостью и абстрактностью», а дискурс Общего права Великобритании — *гибкостью, податливостью* (malléabilité), *адаптивностью* (adaptabilité). В результате французы ориентируются на письменный нормативный тип текстов в отличие от англосаксонского типа — устного, обычного, каждодневного³.

То же можно сказать и о позитивизме в праве, в нем с эпистемологической точки зрения явно виден парадокс: объект должен отражать реальность, а позитивизм опирается на законы и судебные решения, отстающие по времени от реальности, поэтому возникает сомнение относительно того, отражают ли источники права действительно правовую реальность. Для решения этой проблемы прибегают к толкованию, юридической герменевтике.

Проблема французского языка и права остро обсуждалась в связи с тем, что в 2004 г. М. Дрюон подал на рассмотрение Национального собрания Франции Манифест о признании французского языка в качестве «юридического языка

¹ О логосе см.: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. 2-е изд. М. : Либроком, 2010. 336 с.

² М. Хайдеггер в работе «Письмо о гуманизме» (1947) писал: «Человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия человека, живя в котором человек экзистует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей».

³ Костюшкина Г. М. Современные направления во французской лингвистике. 3-е изд., испр. М. : Либроком, 2009. С. 196.

Европы» (подробно об этом писал М. Дебона⁴). Эта проблема возникла в связи со стремлением ЕС к унификации в рамках мультилингвизма (из-за неточности перевода, двусмысленности толкований, проблем коммуникации). Предлагая такое его признание, М. Дрюон опирался на миф о гениальности, ясности, строгой логичности и универсальности французского языка. Хотя юристы действительно признают французский язык *clair, concis et précis* — *ясным, точным и конкретным*, предложение Дрюона показалось спорным, ибо положительные качества языка специальности зависят также и от культурной, логической, риторической традиции и юридической техники права страны. Подобно тому, как ценность художественных произведений признается независимо от языка, так и качество языка (для права) надо искать не только в его системе.

Юристы всегда придавали и придают большое значение языку, связывая с ним правовую безопасность (определенность), особенно этим отличалась Историческая школа права (как известно, Я. Гримм был юристом и филологом, собирал известные сказки). Вопрос о французском языке возник в связи с борьбой языков (*bataille des langues*) и с расширением ЕС, где французский язык начал уступать свои позиции английскому. Однако английский язык, несмотря на его успех в бизнесе, не всегда подходит для точной передачи юридических понятий (менее четко отражает правовые понятия и имеет непере译имые концепты, вызывая двусмысленность), а это влияет на правовую определенность.

Критикуя позитивизм, Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu) в статье *Les juristes, gardiens de l'hypocrisie collective* («Юристы — хранители коллективного лицемерия») утверждает, что юристы сами создают законы, а потом благоговейно перед ними. Ссылаясь на Алена Банко (Alain Bancaud), он пишет, что юрист, создающий понятие «благоговейное лицемерие» (*pieuse hypocrisie*), похож на оракула, который заявляет, что провозглашаемое им получено *трансцендентно*, т.е. то, что основано эмпирически *a posteriori*, юрист представляет основанным *a priori* дедуктивно (*l'oracle qui dit que ce qu'il dit, il l'a reçu d'une autorité transcendante, par lequel le juriste donne comme fondé a priori, déductivement, quelque chose qui est fondé a posteriori, empiriquement*). Фактически — это путь *добиться признания, основанного на незнании* (*obtenir une reconnaissance fondée sur la méconnaissance*).

Через универсализацию или деисторизацию право стремится к самолегитимации, но, чтобы добиться этого, необходимо заплатить некую цену, и юристы оказываются первыми жертвами их собственного юридического творчества. Они заставляют верить в свои символы только потому, что сами в это верят. И если тем самым они способствуют правовому засилью, так это потому, что они сами находятся в ловушке (*ils ne font croire que parce qu'ils y croient. S'ils contribuent à l'emprise juridique, c'est parce qu'ils sont eux-mêmes pris au piège*). П. Бурдьё дает следующее заключение о юристах: *la droiture de ceux qui disent le droit est à la fois l'un des fondements de l'effet que le droit exerce au dehors, et un effet que le droit exerce sur ceux qui exercent le droit, et qui, pour avoir le droit de dire le droit, doivent être «droits»* (прямота тех, кто провозглашает право, это и основа того действия,

⁴ *Debono M. Arguments communicatifs et cognitifs dans le débat sur l'opportunité de l'information linguistique du droit européen // Presse universitaires de Valenciennes. 2011. L'Europe des Vingt-sept et ses langues. P. 217—233.*

которое право оказывает вне себя, и действие, которое оно оказывает на тех, кто осуществляет право, и кто, чтобы иметь право провозглашать право, сами должны быть «правы»). А ведь это правовая ловушка, в которой есть элементы магии, фикции, презумпции и иллюзии, когда все согласны с тем, что игра, в которую они играют, стоит того, чтобы в нее играть⁵.

Репрезентирующая функция языка не позволяет понять природу человеческого разума. Онтологически язык по своей сущности виртуален, у него нет денотата (У. Эко). Язык, подобно правовому знанию, не лежит на поверхности, напрямую в его связи с мыслительной деятельностью он не доступен для наблюдения, так что то, что мы наблюдаем, — это косвенные признаки мышления, объект может конструироваться иначе. Во французском языке имеются даже два слова, обозначающие язык: *langue* — язык как виртуальная матрица (в современных понятиях), которую увидеть нельзя, и *langage* — язык как ее материальное воплощение, конкретное в каждой сфере знания, поэтому правовой дискурс выражен своим правовым «подъязыком» (языком специальности) — *langage juridique* (то же и в культуре: например, язык любви — *langage d'amour*), так что на французском языке достаточно сказать *langue*, и мы приблизимся к этой виртуальной сущности языка. Ее изучал Ф. де Соссюр, но связывал ее с речевой, а не мыслительной деятельностью.

В русском или английском языках дело обстоит сложнее: такой оппозиции нет, оба понятия совмещены в одной вокабуле «язык», в качестве оппозиции используются слова «речь», «дискурс», «нарратив» и т.д.

В защиту традиционной парадигмы следует указать, что подход с позиции репрезентирующей функции языка позволил детально изучить язык, так что в праве, например, терминосистема (*langage juridique*) стала составляющей юридической техники. Однако функция репрезентации не дала возможности материально через язык приблизиться к мыслительной деятельности человека. Для когнитивизма язык — естественное явление в его неотделимости от мыслительного процесса, познания. А мы, изучая язык права, абстрагируемся от феноменологии языка как естественного явления и рассматриваем только то, что доступно прямому наблюдению или рукотворно создано. Однако неучет онтологической сущности приводит к нестыковкам и парадоксам. Иными словами, достаточно изменить угол наблюдения, парадигму или опереться на другую теорию, и картина будет иной.

В связи с тем, что предлагаемая когнитивной лингвистикой репрезентативная функция языка не дает адекватного ответа на эпистемологический вопрос о сущности познания, А. В. Кравченко (в противовес Декарту, для которого язык — логическая рациональная сущность) на основе натуралистической концепции языка выдвигает некоторые допущения⁶: вербальные структуры сами по себе — это не язык; значения не содержатся в словах как «контейнерах» смысла, значение возникает из отношения организма с его физической и культурной средой (реляционной областью); высказывания не «выражают» мысли, они — сигналы, которые ориентируют коммуникантов в их консенсуальной области взаимодействий, и др.

⁵ Bourdieu P. Les juristes, gardiens de l'hypocrisie collective статья // Normes juridiques et régulation sociale : Collection Droit et société. Paris : L.G.D.J. 1991. Vol. 1. P. 95—99.

⁶ Кравченко А. В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник ТГУ. Филология. 2017. № 1.

Данные постулаты показывают, что в своей концепции биосоциальной функции языка взаимодействия человека говорящего с окружающей средой, развития языка вместе с историей человека А. В. Кравченко опирается на теории аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варела и фрактальной парадигмы Мандельброта и Ю. С. Степанова в семиотике, а также на взгляды Л. С. Выготского и Л. Витгенштейна на язык и на его связь с мыслительной деятельностью.

Теория аутопоэзиса лежит в основе нейробиологической теории Ф. Варела, она способствовала развитию когнитивизма, искусственного интеллекта и т.д. Она привела к пересмотру и включению в лингвистику целого ряда понятий: самоорганизация, самореференция, самопроизводство, коммуникация, к зависимости наблюдаемого от наблюдателя, использованию понятия рекурсии. Аутопоэзис стал составной частью теории сложных систем, синергетики, он учитывается при изучении вопросов познания, восприятия, эпистемологии, коммуникации и теории социальных систем.

Проблема рекурсии⁷ в теории У. Матураны перекликается с теорией фрактала. Фрактал — это «процесс, это динамика. Причем динамика скорее лингвистическая, чем перцептивно-образная»⁸. Фрактал — это «схема, которая объясняет динамическую рекурсию взаимосопряжения, непрерывной когнитивной и лингвистической трансформации организма и среды. Понимание фрактала как первоструктуры коммуникации позволяет по-новому взглянуть на семиотику и язык»⁹.

Как пишет В. В. Тарасенко, Ю. С. Степанов является первооткрывателем «фрактальной парадигмы» в семиотике. Концепция фрактала связана с сериальным мышлением или сериальным методом анализа языка (мышление в сериях, в рекурсиях, в последовательностях). Культурно-семиотический ряд можно рассматривать как аналог бесконечной рекурсии, самоизменения культурных концептов. Рекурсии подобны фрактальным структурам и могут описываться на основе синергетики. Подобные идеи вполне применимы к социологии, праву и другим дисциплинам и институтам, где также есть концепты и инварианты, которые просто называются принципами (Н. Луман, Г. Тойбнер).

Право в принципе недалеко отстоит от культуры, хотя имеет собственные концепты, конструкции и рекурсии. Существуют работы по юридической семиотике (Р. Dubouchet) и юридической эпистемологии (С. Atias). Юристы оперировали концептами значительно раньше, чем их ввел в семиотику Ю. С. Степанов. Причем действующие в праве принципы значительно ближе к идеям рекурсии и итеративности. Право также выстраивает свои отношения с действительностью, и они у него более тесные, чем у языка, так как право имеет специальные

⁷ Рекурсия — это не простая итерация (повторяемость), это определение, описание, изображение какого-либо объекта или процесса внутри самого этого объекта или процесса, т.о. объект является частью самого себя. Этот термин используется в специальных областях знаний лингвистики, логики, математики, информатики, культуры. В лингвистике рекурсией называют способность языка порождать вложенные предложения и конструкции, например в стихотворении «Дом, который построил Джек» С. Маршака.

⁸ Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / закл. ст. Ю. С. Степанова. 2-е изд. М. : Либроком, 2012. С. 55.

⁹ Тарасенко В. В. Указ. соч. С. 11.

инструменты регулирования и принуждения. При этом необходимо учитывать, что в нормативном дискурсе неизбежна рукотворность, т.е. нормативный язык отличается от естественного языка.

От парадигм и теоретических ловушек права и языка перейдем к более конкретным вопросам: что нужно праву от языка, каким должен быть язык? По большому счету, часто ловушки создает не язык, а человек — говорящий субъект, ведь язык производит значимые элементы. Другое дело, если бы у языка их не было. При этом возникают такие явления, как неоднозначность и неопределенность (правовая и лингвистическая).

В свете традиционной лингвистики особенностью природы слова является его многозначность, иначе оно не смогло бы выполнять свою основополагающую функцию. Однако слово «многозначность» противоречит понятию рекурсии, идее о том, что язык — процесс, язык есть употребление, это подтверждается тем, что значение слова проявляется в предложении, в словаре оно мертво. Вокабула «многозначность» отражает взгляд на слово как на материальный предмет, «контейнер» значений, являющихся статичными и заведомо данными.

Мы должны отойти от взгляда на язык (виртуальную сущность) как на материальный объект и на его единицы как на элементы в статике. Кроме потенциальной вариативности, высказывания могут направляться, подобно информации, в разные пространства, оставаясь в то же время в отправной точке.

Неоднозначность слова, т.е. возможность проявления множества значений, — это онтологическое свойство естественного языка, но язык специальности нуждается в закреплении одного значения в конкретной системе, поэтому при употреблении вокабулы в конкретных сферах обращаются к механизмам преодоления неоднозначности (в частности, к терминологичности). В праве неоднозначность (слова, терминов, предложения и целого высказывания) приводит к правовой неопределенности и далее к нежелательным правовым последствиям. На французском языке эквивалентом правовой неопределенности является *insécurité juridique* — буквально *отсутствие правовой безопасности*. Поэтому важно предвидеть случаи лингвистической неоднозначности в разных языках.

Правовая неоднозначность непосредственно связана с эффективностью языка. Чтобы преодолеть неоднозначность, язык должен быть, как указано выше, *clair, concis et précis*. Как этого добиться? Такой должна быть онтологическая сущность языка, действующая на конкретном этапе парадигмы языка и юридической техники.

В правовом контексте неоднозначность может возникать не только из-за конкретного языка, поэтому во Франции работа по обновлению терминологии Гражданского кодекса идет в сторону уточнения, конкретизации понятий. Если раньше можно было написать, например, *bon père de famille*, то сейчас слово *bon* требует конкретизации. В рамках конкретной отрасли право и термины призваны быть ясными и определенными.

В высказывании «слово — не контейнер смыслов» имеется в виду, что слово — не накопитель статических элементов, а процессуальная сущность. В то же время это положение нельзя применить к понятию «термин», которое призвано быть однозначным на основе принятой в терминологии однозначности термина в отдельной жестко упорядоченной терминосистеме. При выходе из нее вокабула

становится свободной и может выступить термином в нескольких терминосистемах соответственно значениям, зависящим от терминосистем. В этом смысле такое слово можно метафорически признать «контейнером» смыслов, так как в этой функции внутри отдельной терминосистемы слово статично и выступает ее маркером.

Таким образом, термины являются участниками мыслительного процесса, но с ограниченной свободой движения и вариативности (как известно, изменение смысла, движение происходят даже с вокабулами мертвых языков). Иное дело — использование вокабулы естественного языка, где она активно участвует в мыслительном процессе и может, в отличие от термина, свободно служить сигналом новых смыслов (т.е. выполнять свою законную функцию).

Проблема правовых текстов заключается в том, что они гетерогенны и содержат упорядоченный дискурс в виде нормативных актов и рассеянный дискурс. На французском языке термин в конкретной правовой системе однозначен, та же вокабула в рассеянном дискурсе вариативна, проявляется в разных значениях. Эта концепция не отменяет достижений относительно конкретных языков или терминосистем. Ею можно подтвердить некоторые явления традиционной лингвистики.

В связи с правовой неопределенностью важно наметить пути ее преодоления. Одним из таких путей является работа с неоднозначностью и тенденция к достижению эффективности языка. Для различения языковой неоднозначности в статье О. В. Блиновой и С. А. Белова «Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах» представлена классификация единиц русского языка в свете лексической, синтаксической и референциальной неоднозначности, которые могут привести к правовой неопределенности. В статье показаны «примеры лексической, синтаксической и референциальной неоднозначности, а также примеры неопределенности в контекстах с градуальными прилагательными, хеджами, модификаторами степени проявления признака и др.»¹⁰.

К пограничным случаям неопределенности, идущим от человека и от языка, следует добавить случаи преднамеренного использования неоднозначности или неопределенности для достижения политических или юридических задач, для этого используются возможности или особенности разных языков: французского — более обобщающего, русского — более конкретного, и английского — более расплывчатого, двусмысленного и туманного.

Так, в 1967 г. удалось добиться подписания Резолюции 242 Совета Безопасности ООН по итогам Шестидневной войны, в том числе и благодаря разным вариантам перевода выражения «вывод вооруженных сил с территорий». На французском языке употреблено выражение *retrait des forces armées des territoires*, а на английском языке — *withdrawal from territories*. На французском языке это означало *вывод со всех территорий*, а на английском — *вывод с территорий*. СССР предлагал вывод со всех территорий.

В международных документах переводческие нестыковки весьма часты. Учитывая этот момент, в конце международного документа относительно версий на

¹⁰ Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. Вып. 4. С. 802.

разных языках добавляют: les deux versions faisant également foi. Например, в заглавии статьи 13 ЕКПЧ на английском, французском и русском языках Right to an effective remedy — Droit à un recours effectif — Право на эффективное средство правовой защиты — употреблено слово effectif, которое в принципе не имеет значения *эффективный*. Значит, русская калька искажает смысл.

В русле изложенных положений идет статья С. А. Белова и К. В. Тарасовой «Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция?». Перефразируя смысл статьи в известную адагию, можно сказать: непонимание юридического текста не освобождает от ответственности, это означает презумпцию того, что текст закона является понятным всегда и для всех. На самом деле трудность часто заключается не столько в терминологии или языке, сколько в сложности понимания правовой конструкции, иерархичности текстов и парадигм права, которыми за несколько прочтений овладеть невозможно. Таким образом, понимание зависит не только от реципиента, его эрудиции, но и от текста, и наоборот.

В последние десятилетия бурно развивается юрилингвистика, которая право и язык рассматривает как единый объект¹¹ в отличие от лингвистического права (droit linguistique).

Мы рассматривали влияние онтологической сущности языка на право как общественное установление, но и сам язык как институт имеет правовой статус, хотя вопросы относительно права языков остаются: есть ли у языка правосубъектность (сравнимая с *personnalité de la loi, de la reine*), право, статус? Зависит ли право от статуса языка?

В свете последних событий в Европе мы видели, что язык далеко не безразличен к социально-политической ситуации в обществе. Относительно правового регулирования французского языка после Ордонанса 1539 г. в ст. 2 Конституции французский язык объявлен в 1992 г. государственным языком: «La langue de la République est le français». В 1994 г. принят Закон Тубона об использовании французского языка. В России положение русского языка регулируется ст. 68 Конституции РФ, принят Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

На международном уровне принят ряд документов, затрагивающих вопросы языка: Всеобщая декларация языковых прав (известная как «Барселонская декларация»). Ряд принятых впоследствии международных актов, касающихся прав человека, в той или иной мере затрагивали вопросы права языков, в частности:

- Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам;
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод;
- Европейская хартия региональных языков;
- Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств;
- Международный пакт о гражданских и политических правах;
- Всеобщая декларация коллективных прав народов.

При содействии Страсбургского университета исследовались условия появления понятий *droits linguistiques* и *droit à la langue* в пространстве и во времени,

¹¹ Рекош К. Х. Язык и право — единый объект юрилингвистики // URL: <http://alleuropa.ru/?p=2525>.

их природа и значимость, в том числе и в свете социологии и философии, а также рассматривались отношения между основными правами, лингвистическими правами и правом на язык (в частности, при каких условиях их можно назвать лингвистическими, какова их природа, когда их можно рассматривать наравне с правами человека, например, и не относить на второй план).

Термин «лингвистическое право» был использован в Страсбурге уже в 1975 г. С 2014 г. Международная обсерватория лингвистических прав издает журнал *La Revue de droit linguistique*. Он имеет целью продвигать лингвистические права на местном, национальном и международном уровнях, обеспечивая свободный доступ к публикациям. Это может способствовать развитию лингвистического права в отдельную отрасль.

Таким образом, с позиции интегративного подхода наблюдателя право в языке оказалось, как было показано, емким и всеобъемлющим понятием, представляющим эти два общественных установления как процессуальные, самореференциальные, самоорганизующиеся в их взаимодействии с наблюдателем (субъектом). Такой взгляд наблюдателя свидетельствует о постепенной парадигмальной эволюции науки в сторону новой эпистемологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белов С. А., Тарасова К. В.* Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Право. — 2019. — Т. 10. — Вып. 4. — С. 610—625.
2. *Блинова О. В., Белов С. А.* Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Право. — 2020. — Т. 11. — Вып. 4. — С. 774—812.
3. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника : учебник. — М. : Эксмо, 2008. — 512 с.
4. *Костюшкина Г. М.* Современные направления во французской лингвистике. — 3-е изд., испр. — М. : Либроком, 2009. — 309 с.
5. *Кравченко А. В.* Эпистемологическая ловушка языка // Вестник ТГУ. — Филология. — 2017. — № 1. — С. 14—26.
6. *Луман Н.* Самоописания. — М. : Логос, 2009. — 320 с.
7. *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. — 2-е изд., доп. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 312 с.
8. *Рекош К. Х.* Язык и право — единый объект юрилингвистики // URL: <http://alleuropa.ru/?p=2525>.
9. *Тарасенко В. В.* Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / закл. ст. Ю. С. Степанова. — 2-е изд. — М. : Либроком, 2012. — 232 с.
10. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Время и бытие. Статьи и выступления. — М. : Республика, 1998. — 447 с.
11. *Atias C.* Epistémologie juridique. — Paris : PUF, 1991. — 361 p.
12. *Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique. — Paris : Vrin, 1934. — 5-е éd. — PUF, 1967. — 257 p.

13. *Bourdieu P.* Les juristes, gardiens de l'hypocrisie collective статья // Normes juridiques et régulation sociale : Collection Droit et société. — Paris : L.G.D.J., 1991. — Vol. 1. — 430 p.
14. Constitution du 4 octobre 1958 : Titre premier : De la souveraineté // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/legiarti000006527453.
15. *Debono M.* Arguments communicatifs et cognitifs dans le débat sur l'opportunité de l'information linguistique du droit européen // Presse universitaires de Valenciennes. — 2011. — L'Europe des Vingt-sept et ses langues. — P. 217—233.
16. *Druon M.* Manifeste-Druon pour que le français soit la langue juridique de l'Europe. 2004 // URL: https://www.francophonie-avenir.com/Archives/Index_.
17. *Dubouchet P.* Sémiotique juridique. Introduction à une science du droit. — Paris : PUF, 1990. — 225 p.
18. Emergence des notions de «droit(s) linguistique(s)» et «droit(s) à la langu» : les apports d'une approche historique // Auteurs D. Huck, Ghislain Potriquet. — Cahiers de GEPE № 7. — 2015.
19. *Maingueneau D.* Les termes de l'analyse du discours. — Editions du Seuil, 1996. — 143 p. (2009, la nouvelle édition).
20. *Teubner G.* Le droit : un système autopoïétique. — PUF, 1993. — 296 p. (1989 — 1 ère éd.)